

Горьковчане любят и гордятся своим театром драмы — одним из старейших коллективов страны. Когда им пришлось в Горький, на флиге театра назаванья лыхых интересных премьер. На «Волжский театральной весне» коллектив завоевал одно из первых мест, показав «Оптимистическую трагедию» и «Банию».

И вот среди лучших театров — победителей Всесоюзного фестиваля — мы видим горьковских артистов. Они привезли в Москву свои последние работы: давно не шедшую на сцене «Интервенцию» Л. Славина и «Обрыв» И. Гончарова в обновленной инсценировке Н. Соколовского-Самарина — замечательно режиссером, отдавшего Горьковскому театру много лет своей большой жизни в искусство.

Уже выбор пьес говорит о широте, многоплановости творческих исканий коллектива. Театру близки и героические темы и интимность, личность в передаче переживаний, чувств людей. Режиссер М. Гершт, постановщик обоих спектаклей, тонко уловил своеобразные особенности произведений.

В «Интервенции» нарушены привычные представления о сценической площадке. Прямо со сцены в зрительный зал проложен помост, на котором разворачивается действие. Нередко персонажи спектакля появляются и начинают диалог прямо в зале, рядом со зрителем. Это позволяет развить рамки спектакля, придает ряд эпизодов не ожидаемую выразительность и остроту. Когда в финале на площадке, чуть ли

ПЛОДОТВОРНЫЕ ИСКАНИЯ

Горьковский театр драмы
на фестивале

не в центре зала, звучит страстный, взволнованный рассказ о подвиге советских людей, которые, не щадя своей жизни, несли слова правды о молодой республике Советов иностранным солдатам, когда при этом во всех концах возникают алые флаги, спектакль поднимается до патетики, до героического обобщения.

Решение «Интервенции» как героической драмы, проникнутой романтической борьбой, кажется нам абсолютно верным. На первом плане в спектакле — образы коммунистов-подпольщиков. Это Бродский — П. Волошин, с необычайной убедительностью и простотой рассказывающий солдатам, зачем их пригласили сюда, в солнечную Одессу, кому они служат; темпераментная, неукротимая жандармская действия, борьбы Жанна — Л. Гайнова; еще совсем юная, простодушно-наивная Санька — Г. Кузнецова. Все эти роли успешно сыграны молодыми исполнителями.

Глубоко впечатляет сцена расстрела: словно придавлены к земле мрачные своды подвала, над которым высятся контуры огромного здания; у стены с

гордо поднятыми лицами, взявшись за руки, стоят революционеры, обреченные на смерть. Резко, прямо звучат вопросы полковника Фредаме (в исполнении М. Зинина это умный и сильный враг), и вот под нарастающие звуки музыки Бетховена медленно поднимаются дула пистолетов...

А через несколько мгновений слышится отдаленный хоронный марш, и советский воин Бродский — А. Блоцкий — произносит свой гневный, страстный и скорбный монолог.

Всего в трех эпизодах появляется группа французских солдат: в казарме, в окопах, в момент эвакуации у трапа уходящего корабля. Их характеристики намечены скупо, лаконично. И все же артистам удается донести и неизменную жизнелюбность, оптимизм Селестена (Д. Андреев), и отчетливо зреющую протест Юва (В. Ермилов), и простодушие, доброту каптала Барбару (В. Симановский), и явную симпатию к русским чернокожего Али (Е. Новиков). Особенно удалось сцены в окопах и у трапа, когда Селестен и его друзья принимают решение остаться на русской земле, защищая молодую республику.

Значительное место в спектакле занимает мир хищников, темных дельцов. С острой гротесковой выразительностью обрисованы Фильма-анархист — В. Соколовский, его молчаливые друзья Имерцан — С. Филиппов и Мария Тучкирич — Н. Иванова, лобастующая негодница мадам Кендиза — А. Горлянская.

Образы «Интервенции», разные, многоликие, живут на сцене во всей своей реальности и жизненным правдоподобием. С такой простотой и обаянием воплощает Н. Левковска небольшую роль Аптекаря. Найденные режиссером М. Гершт и художником В. Герасименко принципы решения постановки позволяют непосредственно приблизить к зрителю главные эпизоды спектакля. Прав-

да, замысел этот иногда оказывается нарушенным: всевозможные танцы «апаши» в кабачке отвлекают от центрального события — ареста Бродского. Некоторые из названных погрешностей уже исправляются: обсуждение спектаклей фестивалей, в которых приняли участие виднейшие работники театров, принесли свою пользу.

Постановка «Обрыва» осуществлена в зрительных, лирических тонах.

...Слеза от занавеса ролей, на пьес старинные подсвечники. Звучат аккорды рахманиновского концерта. Музыка не только заполняет паузы между картинами, она как бы вторит переживаниям действующих лиц, выражает в звуках чувства героев. На сцене — с детства знакомые образы бабушки, Райского, Марфинки, Веры, Волохова, картины родной природы, быта русской усадьбы, воссозданные художником Н. Герасименко.

Трудно инсценировать такой сложный, противоречивый в своих общественных устремлениях роман, как «Обрыв». Может быть, оттого таким бледным, поверхностным кажется первый акт, где мелькают события — приезд Райского, встреча, его желание познакомиться с именным сестрам, изобретение Савелия своей жены... Все это не пережито по-настоящему исполнителями. Здесь нет правдивой атмосферы эпохи, того своеобразного уклада жизни, который так достоверно и любовно выписан на страницах гонимого романа.

Специальн начинает воплощать и убеждать с появлением Веры — Э. Сусловой. Актриса создает пленительный образ русской женщины — глубокий в выражении своих чувств, страстный в душевных порывах, в поисках большой любви. Вера все время живет в каком-то своем — замкнутом, отчужденном от окружающих мире. Она молчалива, намекана отвечает на пытливые вопросы и признания Райского. Лишь встречи с Волоховым раскрывают силу ее чувства. Вера убеждает Марка с такой непосред-

ственностью подлинной любви, что верили: от этих минут зависят все ее счастье, ее будущее. Подлинным драматизмом наполнена последняя сцена объяснения Веры с Тушинным и бабушкой: ее трепетное признание, мучительные поиски выхода, решения — как же жить дальше?

Рядом с такой непосредственной и эмоциональной Верой в этой сцене бабушка, Татьяна Марковна Бережкова — А. Самарина, кажется слишком эпически спокойной, воспрощающейся, а ведь несомненно ей признаться в своем самом сокровенном, затанном грехе!

Гораздо темпераментнее, сильнее прозвучал у Бережковой — А. Самариной ее гневный, обличительный монолог, обращенный к Тычкову. Вообще весь этот эпизод приема гостей развертывается действительно, напряженно, в Тычкове — Н. Левковска, самовольном и тупом человеке, воплотился типичный образ выскочки и самодура.

Большое место в спектакле занимает Марк Волохов — Н. Волошин и Райский — А. Таршин. Театр сознательно не подчеркивал нигилизма и дешевой внешней бривады Волохова, не пытался «разоблачать» Райского как «лишнего человека». Такой ход верен. Но, конечно, образ Волохова внутренне более противоречив, а Райский способен на чувства более искреннее и глубинное, чем те, в которых нас стараются уверить актеры. Гораздо легче Марфины — С. Петруниной и Викентьеву — Ю. Лебедеву: они полны непосредственности юности, первой влюбленности, и эти их характеристики исчерпываются.

Гастроли, хотя бы кратковременные, любого театра в Москве — всегда событие. Событие и для театра и для общественности столицы, знающей себя с новыми актерскими именами, с достижениями режиссуры. И надо надеяться, что выступления Горьковского театра не пройдут бесследно для коллектива, помогут в его дальнейших творческих исканиях.

Н. ПУТИНЦЕВ.